

— ALEC DRAKE —

ПОПАДАНКА 1941

МЕДСЕСТРА ДЛЯ
ВОЕННОГО ХИРУРГА

Alec Drake

**Попаданка 1941. Медсестра
для военного хирурга**

«Автор»

2026

Drake A.

Попаданка 1941. Медсестра для военного хирурга / А. Drake — «Автор», 2026

Я училась спасать жизни в XXI веке. Но однажды проснулась в июне 1941-го — накануне самой страшной войны в истории моей страны. Теперь я не студентка медицинского вуза, а санинструктор Красной армии. Вокруг кровь, боль, отступление и люди, которых я не имею права бросить. Я знаю, что ждёт эту страну, но не знаю, как спасти тех, чьи судьбы уже написаны историей. Особенно его — Алексея Воронцова, военного хирурга с холодными глазами и сердцем, которое он давно запретил себе чувствовать. Он считает меня безрассудной девчонкой. Я считаю его невыносимым упрямым. Но на войне между жизнью и смертью нет времени на споры и слишком мало времени на любовь. Я попала в прошлое, чтобы выжить. Но смогу ли я спасти человека, без которого уже не представляю будущего?

© Drake A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белый коридор	5
Глава 2. Не тот год	7
Глава 3. Допрос	9
Глава 4. Первая кровь	11
Глава 5. Двадцать второе июня	13
Глава 6. Хирург	15
Глава 7. Ошибка, которая спасает	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Alec Drake

Попаданка 1941. Медсестра для военного хирурга

Глава 1. Белый коридор

Последний экзамен — фармакология — остался позади в одиннадцать сорок утра, и Анна до сих пор чувствовала во рту привкус дешёвого кофе из автомата в холле. Она стояла у окна третьего этажа главного корпуса, прижимая к груди зачётку, и смотрела, как июньское солнце разливается по асфальту двора. Лето пахло свободой — впереди были два месяца практики в областной больнице, потом каникулы, потом... Она не успела додумать.

— Соколова! — голос старосты вырвал её из полудрёмы. — Ты почему ещё здесь? Тебя искали из деканата. Практика начинается завтра, а ты даже не расписалась в направлении.

Анна обернулась. Лена стояла в дверях аудитории, держа папку с документами, и выглядела так, будто пробежала через весь корпус.

— Я думала, в понедельник, — растерянно ответила Анна.

— Всё перенесли. — Лена сунула ей в руки лист. — Надо отнести в архив, там старые карты практики хранятся, их нужно подшить. Комиссия какая-то приезжает. Короче, третий этаж, левое крыло, до конца коридора.

Анна кивнула, машинально сложила лист вчетверо и сунула в карман джинсов. Архив. Старый корпус. Она знала это место — там всегда было холодно, пахло пылью и бумагой, и лампы мигали, как в фильмах ужасов.

Коридор третьего этажа встретил её тишиной. Занятия закончились, студенты разошлись, и только где-то вдалеке гудел старый лифт. Анна шла мимо закрытых дверей, читая таблички: «Кафедра анатомии», «Лаборатория гистологии», «Архив». Нужная дверь была в самом конце — тяжёлая, обитая дерматином, с мутным стеклом.

Она толкнула её и вошла.

Внутри было темно. Анна нащупала выключатель, но свет не загорелся. Только тонкая полоска света пробивалась из-под дальней двери — видимо, в подсобку. Она сделала шаг, потом ещё один. Пол скрипнул.

И тут вспышка.

Не свет — что-то другое. Белое, резкое, как будто внутри головы лопнула лампа. Анна пошатнулась, схватилась за край стеллажа, но пальцы соскользнули. Головокружение накрыло её волной — пол ушёл из-под ног, стены наклонились, и темнота сомкнулась.

Она очнулась от холода.

Первое, что Анна почувствовала — запах. Не пыль и бумага. Карболка. Йод. Что-то металлическое, тяжёлое, как кровь. И ещё — земля. Сырая, холодная земля.

Она открыла глаза.

Потолок был низкий, обшитый досками, с единственной лампочкой на проводе. Стены — бревенчатые, тёмные. Рядом с ней на деревянной скамье сидела женщина в выцветшем ситцевом платье и сером платке, повязанном до бровей. Женщина смотрела на неё с тревогой.

— Очнулась? — спросила она. Голос был низкий, с какой-то непривычной, словно бы деревенской интонацией. — Ты как, милая? Голова не болит?

Анна попыталась сесть. Резкая боль прострелила висок, но она заставила себя подняться. Вокруг — носилки, ящики, бинты, сложенные в углу. И люди. Много людей. Раненые — она поняла это сразу, по стонам, по запаху, по тому, как они лежали.

— Где я? — выдавила Анна. Голос сел.

Женщина нахмурилась.

— В медсанбате, где ж ещё. Тебя на дороге нашли, без сознания. Документов нет, одежда странная. — Она оглядела Анну с ног до головы: джинсы, кроссовки, футболка с принтом. — Ты чья будешь? Из каких мест?

Анна смотрела на неё, не понимая. Медсанбат. Документов нет. Одежда странная.

— Какой сегодня день? — спросила она.

Женщина прищурилась.

— Двадцать первого июня. Сорок первого года.

Анна почувствовала, как кровь отливает от лица. Двадцать первого июня. Сорок первого.

Завтра — война.

— Ты чего? — Женщина подалась вперёд. — Побледнела вся. Эй, доктор! Тут девчонке плохо!

Анна хотела сказать, что ей не плохо. Что всё гораздо хуже. Что она не отсюда. Что она вообще не должна здесь быть. Но слова застряли в горле. Она смотрела на свои руки — чистые, с коротко остриженными ногтями, руки студентки из двадцать первого века — и понимала, что это не сон.

За стеной, где-то далеко, глухо ударили пушки.

Женщина перекрестилась.

— Господи, — прошептала она. — Началось.

Глава 2. Не тот год

Первые минуты после того, как женщина перекрестилась, Анна помнила плохо. Кажется, она всё ещё сидела на скамье, кажется, кто-то дал ей кружку с водой — тёплой, отдающей железом. Кажется, она выпила. Кажется, её трясло.

Но настоящая паника пришла позже, когда она осталась одна. Женщина убежала — туда, где кричали, где носилки несли одну за другой, где уже слышались команды. Анна сидела в углу, прижав колени к груди, и пыталась думать.

Двадцать первое июня сорок первого года.

Она повторяла это про себя, как формулу. Как диагноз. Двадцать первое июня. Завтра в четыре утра немцы перейдут границу. Завтра начнётся война, которая продлится четыре года, унесёт двадцать семь миллионов жизней, изуродует страну, сожжёт города. Она знала это. Знала наизусть, потому что в школе проходили, потому что бабушка рассказывала, потому что каждый год девятого мая по телевизору показывали хроники.

Но знать и оказаться внутри — это разное.

Она уцепилась за запястье. Больно. Потом ещё раз, сильнее. Больно. Потом укусила губу до крови — почувствовала солёный привкус.

Не сон.

Анна огляделась. Медсанбат — если это был он — располагался в какой-то избе или сарае, приспособленном под госпиталь. Вдоль стен — носилки, на них — люди. Некоторые стонали, некоторые молчали, глядя в потолок. Пахло кровью, потом, гноем. В углу стоял стол, на нём — инструменты, разложенные на марле. Скальпели, зажимы, шприцы — стеклянные, многоразовые, в металлическом стерилизаторе.

Анна смотрела на них и понимала, что это не декорации. Это настоящее.

Она встала. Ноги были ватными, но держали. Прошла вдоль стены, стараясь не наступать на людей, лежащих на полу. Один из раненых — молодой парень с забинтованной головой — открыл глаза и посмотрел на неё.

— Сестричка, — прошептал он. — Воды.

У Анны сжалось горло. Она взяла кружку, стоявшую на табурете, налила из бачка и поднесла к его губам. Парень сделал несколько глотков и закрыл глаза.

— Спасибо, — сказал он.

Она стояла над ним, не зная, что делать дальше. Что вообще делают в такой ситуации? Пытаются вернуться? Но как? И куда возвращаться — в коридор архива? Где он, этот коридор, в сорок первом году?

В это время дверь открылась, и вошли двое. Мужчины в военной форме — не современной, а той самой, из учебников истории. Гимнастёрки, пилотки, ремни. Один — постарше, с усами, второй — совсем молодой, с гладко выбритым лицом. Они оглядели помещение и остановились на Анне.

— Вот она, — сказала женщина в платке, появляясь за их спинами. — На дороге нашли. Документов нет, одежда чудная. Говорит, память отшибло.

Старший подошёл к Анне. Смотрел внимательно, без злобы, но и без доброты.

— Фамилия? — спросил он.

Анна открыла рот, но ничего не сказала. Если она назовёт настоящую фамилию — Соколова — что это даст? Если соврёт — запутается. Если скажет правду — не поверят.

— Я не помню, — сказала она наконец.

— Не помнишь? — Мужчина прищурился. — А одежда на тебе откуда? Такой я не видел.

— Я не знаю, — повторила Анна. Голос дрожал. — Я ничего не помню. Очнулась здесь, вы сказали — на дороге нашли.

Молодой военный что-то шепнул старшему. Тот кивнул.

— Медик? — спросил он, кивнув на её руки. Анна посмотрела на свои пальцы — коротко остриженные ногти, никаких следов работы. Но потом поняла: он увидел не руки, а то, как она держала кружку. Как подносила воду. Автоматически, привычно.

— Учусь, — сказала она. — На врача.

— На врача, — повторил мужчина. — А где учишься?

Анна молчала.

— Ладно. — Он вздохнул. — Пойдём. Разберёмся.

Её повели через двор — маленький, утоптаный, с поленицей у стены и колодцем посередине. Небо было серым, низким. Где-то далеко, за лесом, снова ухнуло.

— Что это? — спросила Анна, хотя знала ответ.

Старший посмотрел на неё.

— Учения, — сказал он. — Пока учения.

Они привели её в другую избу — побольше, с длинным столом и картой на стене. За столом сидел человек в очках, с планшеткой. Рядом — ещё двое военных. Все они посмотрели на Анну, как на диковину.

— Задержанная, — доложил старший. — Нашли на дороге. Документов нет. Говорит, память отшибло. Но руки выдают — медик.

Человек в очках отложил планшетку.

— Медик, — сказал он. — Это хорошо. Нам медики нужны.

Он встал, подошёл к Анне. Был он невысок, с усталыми глазами.

— Зовут как?

— Анна.

— Анна. — Он кивнул. — А фамилия?

— Не помню.

— Не помнишь, — эхом повторил он. — Странно. Но ладно. Время сейчас такое, что всякое бывает. — Он оглянулся на карту на стене. — Война, Анна. Завтра или послезавтра — точно. Ты это чувствуешь?

Она кивнула. Да, чувствовала. Всем телом.

— Тогда так. — Он сел обратно. — Будешь помогать в медсанбате. Пока — на перевязках, на подхвате. Если руки хорошие — увидим. Если нет — отправим в тыл. Согласна?

Анна смотрела на него и понимала: это не вопрос. Это приказ. И выбора у неё нет.

— Согласна, — сказала она.

— Вот и хорошо. — Он махнул рукой одному из военных. — Проводи её к Воронцову. Пусть посмотрит, что за человек.

Анна вышла из избы. Серое небо, серый двор, серые лица. Завтра всё изменится. Завтра начнётся ад.

Она не знала, что делать. Не знала, как вернуться. Не знала, что будет с ней через час, через день, через год.

Но она знала одно: если она хочет выжить, если хочет помочь хоть кому-то, нужно перестать трястись и начать работать.

И она пошла следом за военным — к Воронцову.

Глава 3. Допрос

Избу, куда её привели, Анна запомнила плохо. Помнила только, что там было душно, пахло махоркой и старым деревом, а на стене висела карта — большая, с разноцветными линиями и флажками. За столом сидели трое. Один — уже знакомый, в очках, с планшеткой. Второй — пожилой, с седыми висками и усталыми глазами. Третий — молодой, в новенькой форме, с блокнотом и карандашом.

Анну посадили на табурет напротив. Свет из маленького окна падал ей на лицо, и она невольно зажмурилась.

— Итак, — начал тот, что в очках. Голос у него был ровный, спокойный, как у врача перед операцией. — Анна. Фамилию не помнишь. Откуда пришла — не помнишь. Как оказалась на дороге — не помнишь. Так?

— Так, — сказала она.

— Удобно. — Молодой в новенькой форме что-то черкнул в блокноте.

— Погоди, — остановил его человек в очках. — Дай поговорить. — Он снова повернулся к Анне. — Ты не бойся. Мы не враги. Но время сейчас тревожное. Сам понимаешь — война на пороге. А ты появляешься непонятно откуда, в странной одежде, без документов. Это вызывает вопросы.

Анна молчала. Что она могла сказать? Что она из двадцать первого века? Что училась в медицинском университете, сдала фармакологию и шла в архив за старыми картами? Что она понятия не имеет, как оказалась здесь?

— Ты знаешь, какой сегодня год? — спросил седой.

— Сорок первый, — ответила Анна.

— Знаешь. — Седой кивнул. — А месяц?

— Июнь.

— А число?

Она замялась. Если сказать правду — двадцать первое, — это будет выглядеть подозрительно. Если соврать — тоже. Она выбрала правду.

— Двадцать первое июня.

Тишина. Молодой перестал писать. Седой смотрел на неё внимательно. Человек в очках чуть наклонил голову.

— Откуда знаешь? — спросил он.

— Мне сказали. Женщина в медсанбате.

— А сама ты откуда?

Анна глубоко вдохнула. Она понимала, что сейчас скажет что-то, что прозвучит как бред. Но молчать было ещё хуже.

— Я не отсюда, — сказала она. — Я из будущего.

Карандаш молодого остановился. Седой поднял бровь. Человек в очках не изменился в лице.

— Из будущего, — повторил он. — Это как?

— Я училась в медицинском институте. В двадцать первом веке. В две тысячи двадцать четвёртом году. Мне двадцать один год. Я сдала экзамен, пошла в архив, там была вспышка — и я очулась здесь.

Она замолчала. Слова повисли в воздухе.

Молодой фыркнул.

— Это что, проверка такая? — спросил он. — Товарищ майор, она явно не в себе.

— Помолчи, — сказал человек в очках — майор, как выяснилось. Он смотрел на Анну без насмешки. — Двадцать первый век. Это через сколько?

— Через восемьдесят лет.

— Восемьдесят лет. — Он откинулся на спинку стула. — И что там, в двадцать первом веке?

— Война закончилась, — сказала Анна. — В сорок пятом. Победа. Наша.

Седой медленно отложил папиросу, которую вертел в пальцах.

— В сорок пятом, — повторил он. — Ты знаешь, когда закончится война?

— Знаю, — сказала Анна. — Но это не поможет. Я не могу ничего изменить. Я не знаю, как. У меня нет ни оружия, ни лекарств, ни власти. Я просто... здесь.

Майор долго молчал. Потом вздохнул.

— Знаешь, — сказал он, — я бы тебе не поверил. Ни одному слову. Но у нас в медсанбате вчера умер фельдшер. Тиф. А раненых — сорок человек. И доктор один. Воронцов. Ты его ещё не видела — но он хороший хирург. Только один. — Он посмотрел на Анну. — Ты говоришь, что медик. Это правда?

— Правда, — сказала Анна. — Я не врач. Я только учусь. Но я знаю, как обрабатывать раны. Как останавливать кровотечение. Как ставить капельницу. Как... — она запнулась, — как делать многое из того, что здесь, наверное, ещё не умеют.

— Надо же, — сказал седой. — Не умеют.

— Я не хвастаюсь, — быстро сказала Анна. — Я просто говорю, что могу помочь. Если вы позволите.

Майор встал. Подошёл к окну, посмотрел на серое небо.

— Значит, так, — сказал он. — Я тебе не верю. Но и врать тебе незачем. Если ты сумасшедшая — тебя надо изолировать. Если шпионка — расстрелять. Но если ты действительно медик... — Он обернулся. — Нам нужны медики.

Он кивнул человеку в очках.

— Отведи её в медсанбат. К Воронцову. Пусть посмотрит. Если скажет, что толк есть — оставим. Если нет — отправим в тыл, там разберутся.

— Есть, — сказал человек в очках.

Анна встала. Ноги снова стали ватными, но она держалась.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари, — ответил майор. — Работай. Это лучшая благодарность.

Когда её вывели из избы, молодой военный догнал их в сенях. Он смотрел на Анну с презрением.

— Из будущего, — фыркнул он. — Скажи ещё, что Ленина видела.

Анна остановилась. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, — сказала она. — Ленина я не видела. Но я видела его мавзолей. И знаю, что он там лежит. До сих пор.

Молодой отшатнулся. Человек в очках посмотрел на неё с интересом.

— Хватит, — сказал он. — Пойдём. Воронцов ждать не любит.

Они вышли во двор. Серое небо, серый свет, серые лица. Где-то далеко снова ухнуло — глухо, раскатисто.

Анна шла и думала: если она не вернётся, если останется здесь навсегда, если война действительно начнётся завтра — что она будет делать?

Ответ был прост: то же, что и все. Выживать. Помогать. Работать.

И она пошла дальше.

Глава 4. Первая кровь

Медсанбат встретил Анну запахом, от которого подкатывала тошнота. Не потому, что он был особенно страшным — скорее, потому что был настоящим. В двадцать первом веке она видела раны только на картинках в учебниках и на экранах, где кровь аккуратно нарисована. Здесь кровь была везде: на полу, на бинтах, на руках санитарок, на лицах раненых.

Человек в очках довёл её до двери и кивнул:

— Внутри. Спросишь Воронцова. Он в операционной.

Анна вошла. Помещение было разделено на две части: одна — что-то вроде палаты, с носилками и топчанами вдоль стен, вторая — операционная, отгороженная простынёй, натянутой на верёвке. Из-за простыни слышались голоса, звон металла, тихое шипение.

Она прошла вдоль раненых. Их было много. Слишком много для такого маленького помещения. Молодые парни, некоторые без сознания, некоторые смотрели в потолок, некоторые стонали. У одного была забинтована голова, у другого — рука, у третьего — живот, и повязка на нём пропиталась тёмно-красным насквозь.

Анна остановилась. Медсестра — пожилая, с уставшим лицом — проходила мимо с тазом, в котором лежали окровавленные бинты.

— Вы Воронцова не видели? — спросила Анна.

Медсестра посмотрела на неё с удивлением.

— Ты кто?

— Меня прислали. Помогать.

— Помогать, — повторила медсестра без радости. — Ну помогай. Вон там бинты, в углу. Только их мало. И воды мало. И йода мало. И всего мало. — Она пошла дальше, не оборачиваясь.

Анна подошла к углу, где стоял ящик с бинтами. Взяла один — серый, грубый, стиранный-перестиранный. Поняла: их не выбрасывают. Стирают, кипятят, сушат и используют снова. В двадцать первом веке это было немыслимо, а здесь — норма.

Из-за простыни вышел мужчина. Высокий, худой, в белом халате поверх гимнастёрки, с руками, вымазанными кровью до локтей. Лицо у него было усталое, резкое, с тёмными глазами под тяжёлыми веками. Он смотрел на Анну без выражения.

— Ты кто? — спросил он.

— Анна. Меня прислали из штаба. Сказали, к вам.

— Ко мне. — Он вытер руки о полотенце, висящее на гвозде. — Воронцов. Что умеешь?

— перевязки. Обработку ран. Остановку кровотечения. — Анна говорила быстро, чтобы не растерять уверенность. — Капельницы, если есть растворы. Уход за послеоперационными.

Воронцов смотрел на неё внимательно.

— Капельницы, — повторил он. — Внутривенные?

— Да.

— И кто тебя этому научил?

Анна замялась.

— Учили. В институте.

— В институте, — сказал он. — А почему я тебя не знаю? В нашем госпитале ты не работала.

— Я из другого. — Она понимала, что врёт плохо. — Из Ленинграда.

Воронцов не поверил. Это было видно по глазам. Но он не стал допытываться.

— Ладно, — сказал он. — Раз пришла — работай. Вон там, — он кивнул на носилки у окна, — боец. Осколочное в бедро. Я его прооперировал час назад. Посмотри, как повязка. Если кровит — скажи. — Он отвернулся и ушёл обратно за простыню.

Анна подошла к бойцу. Он был молодой — лет девятнадцать, не больше. Бледный, с испариной на лбу. Она откинула одеяло и посмотрела на повязку. Та была пропитана кровью — не сильно, но заметно. Анна пригнулась. Запаха гноя не было. Пока.

Она оглянулась. На столике рядом лежали инструменты: пинцеты, зажимы, ножницы. Всё старое, потемневшее. Она взяла ножницы, аккуратно разрежала бинт — не разматывая, чтобы не тревожить рану. Под ним оказалась марля, тоже пропитанная. Анна сняла её.

Рана была чистой. Хорошо обработанной. Воронцов знал своё дело. Но края были отёчные, покрасневшие. Воспаление. Пока местное, но если не обработать...

Анна огляделась. На полке стояла бутылка с чем-то прозрачным. Она понюхала — спирт. Рядом — баночка с серой мазью, что-то вроде стрептоцида. Она взяла чистую марлю, смочила спиртом, обработала края раны. Потом наложила мазь — тонким слоем, не жалея. Затем взяла новый бинт — серый, жёсткий — и перевязала. Не туго, чтобы не нарушать кровообращение. Не слабо, чтобы не сползло.

Боец открыл глаза.

— Сестричка, — прошептал он. — Больно.

— Потерпи, — сказала Анна. — Сейчас всё будет хорошо.

Она накрыла его одеялом. Он закрыл глаза.

За спиной кто-то кашлянул. Анна обернулась. Воронцов стоял у простыни и смотрел на неё. Взгляд был другим — не мягче, но внимательнее.

— Ты обработала края спиртом, — сказал он.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы не было воспаления. Если рана чистая, но края загрязнены, может начаться нагноение. Спирт убивает бактерии.

— Бактерии, — повторил Воронцов. — Это что?

Анна запнулась. В сорок первом году теория бактерий была известна, но антибиотики ещё не вошли в широкую практику. Она не знала, что именно он знает.

— Микробы, — сказала она. — Те, что вызывают гниение. Если их убить, рана заживёт быстрее.

Воронцов молчал. Потом подошёл, посмотрел на повязку. Проверил пальцами — не туго ли.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Работай дальше. — И ушёл.

Анна выдохнула. Руки дрожали. Она не знала, заметил ли он, что она сделала что-то не так, как здесь принято. Но он не прогнал её. Это уже что-то.

Она взяла следующий бинт. Впереди был ещё день. И ночь. И завтра — война.

Глава 5. Двадцать второе июня

Ночь прошла в полудрёме. Анна сидела на табурете у стены, привалившись плечом к бревну, и то проваливалась в сон, то выныривала. Снились коридоры — белые, длинные, с мигающими лампами. Снился архив. Снилось мама, которая звонила ей утром и спрашивала, сдала ли она фармакологию.

Потом она просыпалась — и видела перед собой раненых. Слышала стоны. Чувствовала запах.

На рассвете стало тихо. Так тихо, что Анна проснулась по-настоящему, от этой тишины. Она вышла во двор. Небо на востоке розовело, тонкое, прозрачное, как марля. Пели птицы. Где-то вдалеке мычала корова.

И вдруг — гром.

Не тот, что вчера. Не глухой, далёкий. Резкий, близкий, как будто небо треснуло. Анна вздрогнула всем телом. Из избы выбежали санитарки, военные. Кто-то закричал:

— Война!

И всё завертелось.

Первые раненые пришли через час. Потом ещё. Потом ещё. Их несли на носилках, вели под руки, некоторые приходили сами — в грязных гимнастёрках, с окровавленными лицами, с глазами, в которых застыл ужас. Медсанбат, вчера полупустой, теперь был забит до отказа. Носилки ставили на пол, потому что топчанов не хватало. Люди лежали в коридоре, на крыльце, во дворе.

Анна работала. Не думала — просто делала. Останавливала кровотечения. Накладывала жгуты. Обработывала раны. Вправляла вывихи. Успокаивала. Поила водой. Держала за руки тех, кому уже нельзя было помочь.

Она не считала часы. Не знала, сколько прошло времени. Только чувствовала, как немеют пальцы, как сохнет во рту, как саднит глаза от пыли и пота.

К полудню бинты кончились. Анна рвала на полосы простыни. Потом простыни кончились. Она сняла с себя футболку — ту самую, с принтом, из двадцать первого века, — и разорвала её. Кто-то из санитарок посмотрел на неё с удивлением, но ничего не сказал.

К вечеру она уже не помнила, сколько перевязок сделала. Двадцать? Тридцать? Сорок? Руки двигались сами. Она научилась не отводить взгляд. Научилась не думать о том, что этот парень с развороченным животом умрёт через час. Научилась просто делать то, что нужно.

И тогда она увидела Воронцова.

Он стоял за простынёй, в операционной. Анна заглянула туда случайно — ей нужен был спирт, — и замерла.

Воронцов оперировал. Не поднимая головы. Не отвлекаясь. Его руки двигались быстро, точно, экономно. Скальпель, зажим, игла, нить. Он не говорил ни слова. Только изредка бросал короткие команды:

— Свет.

— Тампон.

— Зажим.

Медсестра — та самая, пожилая — подавала ему инструменты. Молча, быстро, без суеты.

Анна стояла и смотрела. Она видела, как он работает. Видела, как его пальцы — длинные, сильные, с коротко остриженными ногтями — находят артерию, пережимают, зашивают. Видела, как он не отводит взгляд, не морщится, не позволяет себе ни секунды слабости.

Он был не просто хирургом. Он был хирургом на войне.

Анна поняла, что смотрит слишком долго. Она взяла спирт и ушла.

Ночь не принесла облегчения. Раненые всё шли. Некоторые умирали на носилках, по дороге. Некоторые — уже здесь, на полу. Анна закрывала им глаза. Она не знала, как это делается по правилам. Просто проводила ладонью — и шла дальше.

К трём часам ночи она уже не чувствовала ног. Руки дрожали. Голова была тяжёлая, как чугунная. Она присела на ящик у стены, всего на минуту. И, кажется, отключилась.

Её разбудил голос Воронцова.

— Ты жива?

Анна открыла глаза. Он стоял над ней — уставший, с тёмными кругами под глазами, всё ещё в халате, заляпанном кровью.

— Жива, — сказала она.

— Хорошо. — Он сел рядом, на другой ящик. — Сколько ты сегодня сделала?

— Не считала.

— Правильно. — Он помолчал. — Ты хорошо работаешь. Для студентки.

Анна посмотрела на него. Впервые он сказал что-то, кроме приказов.

— Спасибо.

— Не благодари. — Он откинул голову к стене, закрыл глаза. — Завтра будет хуже.

— Я знаю.

Он открыл один глаз.

— Знаешь?

Анна поняла, что сказала лишнее. Но отступить было поздно.

— Чувствую, — сказала она.

Воронцов не ответил. Он снова закрыл глаза. Через минуту он уже спал — или делал вид, что спит. Анна смотрела на его лицо — резкое, усталое, с плотно сжатыми губами, — и думала: этот человек не позволит себе расслабиться даже во сне. Он всегда настороже. Всегда готов.

Она встала. Ноги держали. Она взяла следующий бинт.

Работа ждала.

Глава 6. Хирург

Прошло три дня. Анна потеряла счёт времени. Дни и ночи слились в одну длинную серую полосу, в которой были только раненые, бинты, спирт и голос Воронцова — короткий, резкий, не терпящий возражений.

Он не повышал голоса. Никогда. Но от его тихого «Замолчи» или «Не мешай» стыла кровь. Он был как скальпель — острый, холодный, точный. И требовал того же от других.

Анна старалась не попадаться ему на глаза. Она делала свою работу: перевязки, обработка, уход. И всё чаще — то, чего от неё не просили. Промывала раны кипячёной водой, а не колодезной. Меняла повязки чаще, чем было принято. Обработывала инструменты дважды. Сортировала раненых — тяжёлых отдельно, лёгких отдельно, чтобы не тратить время на тех, кто мог подождать.

Это заметили. Сначала санитарки. Потом фельдшер — мужчина лет сорока, с усталым лицом и вечными вопросами в глазах. Потом Воронцов.

Он подошёл к ней утром четвёртого дня. Анна только что закончила перевязку бойцу с осколочным в плечо — обработала рану, наложила мазь, забинтовала. Всё как учили. Всё правильно.

Воронцов взял её за локоть и отвёл в сторону.

— Ты что делаешь? — спросил он тихо.

— Перевязку, — ответила Анна.

— Я вижу. Зачем ты мажешь рану этой дрянью?

— Какой дрянью?

— Мазью. Стрептоцидом. Ты кладёшь слишком много. Он не усваивается, только забивает рану.

Анна нахмурилась.

— Стрептоцид — сульфаниламид. Он препятствует размножению бактерий. Чем больше — тем лучше.

— Тем лучше, — повторил Воронцов. — Ты уверена?

— Уверена.

Он смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Я работаю хирургом двенадцать лет. Я обработал тысячи ран. И я знаю: если положить слишком много мази, она не даст ране дышать. Начнётся некроз. Ты этого хочешь?

Анна замялась. В двадцать первом веке стрептоцид применяли иначе — в виде присыпки, порошка, мази на водной основе. Здесь он был в виде жирной мази, которая действительно могла закупорить рану. Она не подумала об этом.

— Я... — начала она.

— Ты не знаешь, — сказал Воронцов. — Ты училась по книжкам. А здесь — практика. Здесь всё иначе. И если ты не уверена — не экспериментируй. Особенно на моих больных.

Он отпустил её локоть. Анна почувствовала, как горят щёки.

— Я не экспериментирую, — сказала она. — Я пытаюсь помочь.

— Помогать — это делать то, что нужно. А не то, что ты где-то вычитала. — Он уже отворачивался. — Если хочешь остаться — работай по правилам. Моим правилам.

— Ваши правила могут убивать, — сказала Анна.

Он остановился. Медленно обернулся.

— Что ты сказала?

Анна понимала, что перешла черту. Но отступить было поздно.

— Ваши правила не всегда правильные, — сказала она. — Вы обрабатываете раны как двадцать лет назад. Вы не знаете, что такое антисептика в полном смысле. Вы не стерилизуете инструменты так, как нужно. Вы...

— Достаточно. — Голос Воронцова был тихим, но в нём была такая сталь, что Анна замолчала. — Ты здесь три дня. Ты не видела, как умирают от заражения крови. Ты не видела, как гниёт живое тело. А я видел. Сотни раз. И если ты думаешь, что твои книжные знания лучше моего опыта — ты ошибаешься.

Он подошёл ближе. Анна не отступила.

— Я не говорю, что мои знания лучше, — сказала она. — Я говорю, что они другие. И некоторые из них могут быть полезны.

— Полезны, — повторил он. — Докажи.

— Как?

— Просто. — Он кивнул в сторону палаты. — Вон там лежит боец. Третьи сутки после операции. У него жар. Рана воспалилась. Я сделал всё, что мог. Если ты знаешь что-то ещё — сделай. Если нет — не вмешивайся.

Анна посмотрела в сторону палаты. Потом на Воронцова.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю.

Он кивнул и ушёл.

Анна стояла посреди коридора и чувствовала, как колотится сердце. Она не знала, справится ли. Но она знала, что теперь у неё есть шанс. Один шанс.

Она пошла в палату.

Глава 7. Ошибка, которая спасает

Боец лежал у окна. Молодой — лет двадцати, может, меньше. Бледный до синевы, с запавшими глазами и испариной на лбу. Анна присела рядом, посмотрела на него. Он дышал часто, поверхностно. Пульс — она взяла его за запястье — частил, как затравленный.

Она откинула одеяло. Рана была на голени — осколочное, ближе к колену. Повязка пропиталась, но не сильно. Анна осторожно размотала бинт. Под ним — марля, присохшая к ране. Она отмочила её кипячёной водой, сняла.

И замерла.

Рана выглядела плохо. Края — тёмные, почти чёрные. Не просто отёчные, как вчера. Они были какими-то... мёртвыми. Кожа вокруг — синюшная, холодная на ощупь. Анна надавила пальцем — ямка не выровнялась. Отёк. И запах. Тонкий, сладковатый, тошнотворный. Она знала этот запах. Видела один раз на практике в клинике — у пациента с диабетической стопой.

Гангрена.

Не может быть. Слишком быстро. Слишком рано. Она посмотрела на бойца, потом на рану. Потом снова на бойца. Он открыл глаза.

— Сестричка, — прошептал он. — Холодно.

Анна накрыла его одеялом. Руки дрожали.

— Потерпи, — сказала она. — Я сейчас.

Она выбежала из палаты. Воронцов был в операционной — за простынёй, но без операции. Просто сидел на табурете, закрыв глаза. Он не спал — Анна видела, как напряжены его плечи.

— Алексей Петрович, — сказала она.

Он открыл глаза.

— Что?

— Там боец. У окна. Тот, с голенью. У него гангрена.

Воронцов смотрел на неё секунду. Потом встал и пошёл в палату. Анна — за ним.

Он осмотрел рану молча. Проверил пульс на стопе — не нашёл. Посмотрел на цвет кожи, на отёк, на запах. Откинул одеяло, проверил вторую ногу — там всё было нормально.

— Когда ты это заметила? — спросил он.

— Только что. Пришла перевязать.

— Я смотрел его утром. Было чисто.

— Было. Но гангрена может начаться за несколько часов. Особенно если рана была загрязнена, а обработка недостаточной.

Воронцов посмотрел на неё. Взгляд был тяжёлый.

— Ты хочешь сказать, что я плохо обработал рану?

— Нет. Я хочу сказать, что гангрена уже началась. И если не резать — он умрёт. Через день, может, два.

Воронцов молчал. Анна видела, как он думает. Как взвешивает. Как борется с собой.

— Я не могу оперировать, — сказал он наконец. — У меня нет времени. У меня двенадцать тяжёлых. Если я брошу их ради одного...

— Он умрёт, — сказала Анна. — Остальные — выживут. А он — нет.

— Ты не знаешь.

— Знаю. — Она смотрела ему прямо в глаза. — Я видела такое. В институте. На практике. Если не ампутировать сейчас — будет поздно.

Воронцов отвернулся. Подошёл к окну. За ним — серое небо, серый двор, серые лица. Где-то далеко ухнуло.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он тихо. — Ампутация. Без наркоза. Без крови. Без всего. Он может умереть на столе.

— Может, — сказала Анна. — Но без операции он умрёт точно.

Воронцов обернулся. Смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Хорошо. Готовь его. Скальпель, пила, зажимы. Всё, что есть.

Анна кивнула и побежала.

Операция длилась сорок минут. Анна ассистировала — подавала инструменты, вытирала кровь, держала ногу. Воронцов работал быстро, молча, точно. Он не спрашивал, не советовался. Просто делал. И Анна смотрела на его руки — и понимала: этот человек знает, что делает. Даже если не верит ей. Даже если злится. Он — хирург. Настоящий.

Когда всё закончилось, Воронцов отошёл от стола. Руки у него были в крови до локтей. Он посмотрел на бойца — тот дышал, ровнее, чем до операции. Пульс был слабый, но был.

— Перевяжи, — сказал Воронцов Анне. — И следи. Если начнётся жар — скажи.

Он ушёл. Анна осталась. Она перевязала культю — аккуратно, не туго. Накрыла бойца одеялом. Он открыл глаза.

— Сестричка, — прошептал он. — Нога...

— Всё хорошо, — сказала Анна. — Ты будешь жить.

Он закрыл глаза. Анна постояла над ним минуту. Потом пошла к следующему.

Вечером, когда она вышла во двор — просто подышать, — Воронцов стоял у колодца.

Курил. Она хотела пройти мимо, но он окликнул:

— Анна.

Она остановилась.

— Да?

Он смотрел на неё. Взгляд был другим. Не мягче. Но в нём что-то изменилось.

— Ты была права, — сказал он. — Насчёт гангрены.

Анна молчала.

— Я не знаю, откуда ты. И как ты это видишь. Но ты видишь. — Он затаился, выпустил дым. — Это хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.